

Старые средневековые добродетели уже лишены своего положительного значения. Безусловные добродетели оказываются относительными. Добродетели, заложенные в характере исторических лиц, сыгравших отрицательную роль в русской истории, оказываются только вредными. О Дмитрие Самозванце автор второй редакции Хронографа говорит: „ко книжному прочитанию борзозрителен, но не на благо“.¹ Внешность человека уже не соответствует попрежнему его характеру. Иван Тимофеев так, например, описывает внешность своих современников, легкомысленно предавшихся Самозванцу: „Вместо разума седину едину имуще и брадную власом долготу, юже являху людем и красуха того, яко мудрии“.² Все большее и большее значение в характеристике исторических лиц приобретают их поведение, их действия. Это отчетливо видно в тех случаях, когда сравнение, образ, применяемый к человеку, имеет ввиду его действия, но не его внутреннюю сущность, которая, как мы видели, в известной мере признавалась непознаваемой. Автор второй редакции Хронографа вряд ли считает патриарха Гермогена похожим на птицу и, тем не менее, пишет, что его „аки птица в заклетѣ гладом умориша“.³

Вследствие этой манеры применять к историческим лицам различные образные сравнения по их функции, по их действию, а не по их сущности, авторы прибегают к таким сравнениям людей, которые, казалось бы, совершенно не шли к ним с точки зрения эстетической системы нового времени: историческое лицо может быть уподоблено реке, буре, молнии, горе, раю, ограде и т. д.; оно может быть сравниваемо с различными дикими зверями, внешне мало похожими на человека. Автор второй редакции Хронографа сравнивает Бориса Годунова с „морем“, с „езером“;⁴ Дмитрия Самозванца он называет „злодыхательной бурей“.⁵ Тушинский вор — „злобесный и кроволакательный пес, или человекоядный зверь, иже лукавое око отверзе и злое рыкание испусти“.⁶ Федор Иоаннович, — говорит автор второй редакции Хронографа, — „ограда бысть многим благ, яже водами божими напояема, или рай одушевлен, иже храня богатная сядовия“.⁷ Его же он называет „свѣща страны Руския“.⁸

Все эти несовместимые с нашим эстетическим сознанием сравнения объясняются тем, что человек подвергается характеристике по „функции“, по своим „делам“. Об этом прямо однажды и заявляет автор второй редакции Хронографа, характеризуя Тушинского вора: „се

¹ Русская историческая библиотека, т. XIII, стр. 264.

² А. Попов. Изборник, стр. 192.

³ Там же, стр. 201.

⁴ Там же, стр. 189.

⁵ Там же, стр. 193.

⁶ Там же, стр. 197.

⁷ Там же, стр. 186.

⁸ Там же, стр. 188.